

Николай ГЛАЗКОВ:

ГОЛОЛЕДИЦА

Сияет Большая Медведица,
Полярная светит звезда...
В России у нас гололедица —
Я думаю, что ото льда!..

Пути и дороги заснежены,
Я сам не по травке иду
И вижу, как милые женщины
Проходят по скользкому льду.

И каждая сто двадцать пятая
На льду поскользнется

впотмах

И молвит, торжественно

падая,

Тревожное «ох» или «ах»!..

Прохожий! Кто ты,

я не спрашиваю,
По снегу и льду не беги,
А, женщину видя упавшую,
Ей на ноги встать помоги!

* * *
Я на мир взираю
из-под столика.
Век двадцатый — век
необычайный.
Чем он интересней
для историка,
Тем для современника
печальней.

* * *
Люблю грозу в конце июня,
Когда идет физкультурпад
И мрачно мокнет
на трибуне
Правительственный аппарат!

Однажды товарищ Нико-
лая Глазкова спросил:
— Коля, ты гений?
— Да, — ответил тот. — А
что?

При этом в голосе его не
было никакого вызова, и нель-
зя было понять, говорит ли он
серьезно или шутит.

Обычно он так и представ-
лялся: «Гений Глазков».

Как на это реагировали ок-
ружающие? Скорее всего как на
чуждость, скоморошество,
блажь поэта. С молодых лет
Коля Глазков стал притчей во
языцех, ходячим мифом лите-
ратурного мира. И не только
благодаря экстравагантным вы-
ходкам, но прежде всего благо-
даря стихам. Стихам и впрямь
сногшибательно необычным.
Их знали наизусть, переписы-
вали и передавали друг другу.

На первых порах можно
было принять за эпатаж моло-
дости самокульт поэта, ставший
для Глазкова некоей религией:
«Я гений Николай Глазков, и в
этом вся моя отрада» или «Меня
прочтешь — поймешь, что Н.
Глазков велик». Но, и войдя уже
во вполне зрелый возраст, он
продолжал ту же погудку:
**Как великий поэт
Современной эпохи,
Я собою воспет...**

Правда, тут же следовало
горестное признание:
Хоть дела мои плохи.

Так было. Но вот настали
иные времена. Плохи стали дела
повсеместно почти у всех поэтов.
Генералы от литературы и лауре-
аты, маститые, увенчанные лав-
рами, могущие похвалиться бас-
нословными тиражами и толпа-
ми почитателей, — где они
ныне? Кинули. Сгинули.

Одним из немногих исклю-
чений явился Глазков. Извеч-
ный неудачник и маргинал, из
ряда вон выходящий, всегда
шагавший не в ногу, выкари-
вавший черт-те что несусветное
и несурзачное на литературной
обочине, он неожиданно-нега-
данно оказался востребован
новой эпохой. Наконец-то его
изумительно нелепые стихи и
поэмы обрели печатный вид. В
нашем алогичном, летящем
вверх тормашками мире стала
явственно пророческая муд-
рость глазковских афоризмов и
парадоксов. Современная аван-
гардистская элита величает его
классиком. И, стало быть, не
зря чудной и чудный поэт
столько лет убеждал всех:
**И меня причислят к лику
Николаев Чудотворцев.**

Объясним ли сей феномен?
В какой-то мере. Но оговорюсь
сразу — в любом истолковании
сохраняется элемент чуда.

А главное... Вот оно: Нико-
лай Глазков был Поэтом. И ни в
каком ином качестве себя не
мыслил. Поэт ведь — не профес-
сия, а особый душевный строй,
воплощенный не только в стро-
ках, рифмах и ритмах, но и в об-
разе жизни, в каждом движении

Рис. Владимира АЛЕКСЕЕВА

и поступке. Отсюда страннова-
тость облика и шокирующие
нарушения хорошего тона, как
бы выносящие поэта за скобки
нормального общества («Я ис-
ключен как исключение во имя
их дурацких правил»). Обычный
человек, как правило, руковод-
ствуется разумными, прагмати-
ческими целями — поэт, даже
просто садясь в трамвай, уезжает
неведомо куда...

Вспоминают: знакомясь с
людьми пишущими, Глазков
первым делом осведомлялся:
«Поэт? Или прозаик?» При этом
в последнем слове он делал уда-
рение на «и», как бы подразуме-
вая тем самым некую приземлен-
ность и малоинтересность дан-
ной ипостаси — «прозаик». По
его глубокому убеждению, поэт
«полон безразличия ко всему,
что не стихи».

Подобно герою его поэмы
«Одиночество» — Амифибра-
хию Ямбовичу Хорееву, Глаз-
ков был одержим одной маниа-
кальной идеей, пронесенной
сквозь всю жизнь. Сокровен-
ной мечтой о Поэтограде —
своего рода утопическом «горо-
де солнца», в котором он хотел
бы собрать всех хороших, та-
лантливых, одержимых людей
— «не вторителей, а творите-
лей». Таковых на его земном
пути было, судя по всему, нема-
ло, подтверждением чему объе-
мистый сборник воспомина-

Тапочки с крыльями

Хотя бы однажды его видели практически все.
В «Рублеве» Тарковского. Он сыграл
«летающего мужика», который спрыгнул
с церковной колокольни и разбился.
Рассказывали, что Глазков уговаривал Тарковского
снимать его голым. Тарковскому для фильма этого
было не надо. Но Глазков настаивал. В результате
Андрей Арсеньевич сдался, попросил оператора
запечатлеть ню Глазкова в полете
и подарил поэту отснятую пленку.
А на экране Глазков предстал в рубище
и с самодельными крыльями.
В общем-то он и жил с этими самодельными
крыльями: рекомендовался гением и нередко
действительно достигал этой высоты, занимался
«самсебяиздатом», поскольку печатали
у него исключительно краеведческие стихи,
и сам творил из себя легенду.

По Москве Глазков ходил в сандалиях на босу ногу
или в тапочках. Причем не только в жару.
В этих легендарных к тому времени тапочках
увидел его и я. В кабинете поэта Александра
Аронова в прежнем «МК». Глазков приехал
исключительно для того, чтобы вытащить Аронова
из душного редакционного помещения на дачу.
Сразу же предложил и мне составить им
компанию. Увы, Аронов был занят газетной
текушкой. Глазков этого понять решительно не мог
— погода-то какая! — и еще долго уговаривал
предпочсть исполнению служебного долга
неограниченную свободу.
До сих пор жалею, что тогда чувство долга
у Аронова было столь сильным

Надо быть очень умным, чтоб сыграть дурака

оставался внутренне свободен,
ни на йоту не изменил своей ху-
дожнической сущности.

Выглядевший в глазах иных
членов Союза писателей бродя-
гой и забулдыгой, наш совет-
ский Франсуа Вийон, пожалуй,
единственный, кто преподал
всем великий урок полной
творческой свободы. Глазков
был абсолютно раскрепощен.
Мог корить Советы, а мог и
восславить коммунизм. Никто
ему не указ. Ни цензура. Ни
деньги. Ни — что всего трудней
преодолеть — диктат среды.

Так что: он не от мира сего?
Чуть собачья! Именно — от
мира, и как раз — от сего. Ему
любопытна жизнь во всех своих
проявлениях. И возвышенная, и
грешно земная. Грешная? Пол-
ноте. Богемная, пьянственная,
усмешная, любвеобильная, во-
жделенная — безгрешная.

Похоже, для Глазкова не
существовало запретных тем.
Потому подчас он и переступал
пределы нормативной лексики.
Просто-напросто предельная
искренность и открытость миру
отвергали какие-либо табу.

Не могу отказать себе в удо-
вольствии привести одну из на-
турфилософских медитаций Глаз-
кова, исполненную неподдельно-
го детского изумления перед чу-
десами Божьего мира. Это
стихотворение «Иван-да-Марья»:
**Одет в рубашку синюю Иван,
А Марья — в ярко-желтый
сарафан.**

**Иван-да-Марья держатся
на стебле,
Тая в себе идею вечной <...>.
И вот хожу по лесу целый
день я,
И радуюсь премудрости
растенья.**

Многие считали Глазкова
блаженным, находили сходство с
Велимиром Хлебниковым. Уди-
вительное дело, но никто, кажет-
ся, не догадался сравнить его с
Дон Кихотом. А ведь эта нелепо-

трагическая фигура мировой ли-
тературы, являющаяся олицетво-
рением рыцарского самоотрече-
ния, одержимости идеей добра,
как нельзя лучше дает представ-
ление о «гении Глазкова». Даже
тот факт, что его благие порывы
вызывали у людей смех.

И Глазков конечно же осоз-
навал комичность своих притя-
заний на гениальность. Более
того: поэт, похоже, нарочно «сам
себе коржил жизнь, играя дура-
ка», разыгрывая клоунаду. По
народному присловью, «всяк
сплешет, да не как скоморох». Сравните у Глазкова: «Надо
быть очень умным, чтоб сыг-
рать дурака». Думаю, что он ка-
ким-то генетическим путем
унаследовал балаганную смехо-
вую культуру Древней Руси.

Но шутки в сторону. «Поэт
— вечный раб своей свободы» —
вот она, амбивалентно емкая,
чисто глазковская формула.
Придуриваясь, иронизируя над
собой, Глазков — повторю еще
раз — исподволь учил нас сво-
боде на собственном примере.

Воистину надо быть гени-
альным безумцем, чтобы деся-
тки лет диктовать свои шедевры
в пустоту, не видя своих стихов
напечатанными. Впрочем, вы-
ход был найден. Чисто глазков-
ский: «Писатель рукописи посе-
ял... Она валялась среди Расей и
начала произрастать...» — это
Глазков о себе самом написал.
Так появились самодельные
книжечки, изготовленные догу-
тенберговым способом. Кни-
жечки, которые Глазков дарил
друзьям и знакомым. А далее —
неуправляемое лавинное быто-
вание в виде списков.

До последнего своего дня
Николай Глазков не терял над-
жды увидеть свои лучшие пи-
сания в печати. К сожалению,
чуда не произошло. Только
после смерти они стали досто-
янием читающей России. Прав-
да, и посмертные книги Глазко-
ва далеки от исчерпывающей
полноты. Надо полагать, что
еще немало неопубликованных
вещей Глазкова рассеяно по
Руси (некоторые впервые уви-
дели свет в этом тексте). И уж
совсем неведомо читателям
проза поэта — «Похождения
Великого гуманиста», «Трактат
о пользе справок»...

Пользуясь случаем, хочу
сообщить еще об одном изда-
нии, недавно увидевшем свет и
оставшемся незамеченным. Что
не удивительно, ибо тираж его
— 100 экземпляров. Это сбор-
ник «Неизвестных стихов», вы-
пущенный стараниями Андрея
Попова — друга Глазкова еще
со школьных лет. В центре
книги — «Поэма десяти писем»,
юношеский эпистолярный Глаз-
кова в стихах, адресатом кото-
рого был А. Попов. Именно
тот, что однажды, когда они
только вступали во взрослую
жизнь, подарил Глазкову брош-
юру Ленина с надписью:
«Коле в день рождения. Гению
от гения». Издана она была в
«Самиздате», что означало не
что иное, как «Самарское изда-
тельство». Глазкову, видимо,
этот казус запал в память, и от-
сюда возникло глазковское изо-
бретение «Самсебяиздат».

Сам Глазков был уверен,
что «поэтом своего народа я
сделался — и не умру».

Многое осталось несказан-
ным. Смею, однако, надеяться,
что над бытывалистскими эска-
падами и сумасшедшими вы-
крутасами Глазкова будут не
только похотываться, но и
осознают наконец, что поэт от-
нюдь не филлястрствовал, вновь
и вновь убеждая:
А велик ли Глазков? Да!

**Велик:
У него и ошибки великие.**

В ошибках — сила поэта. А
Николай Глазков, как сказано в
его незавершенной автобиогра-
фии, «в своей
жизни допустил
много прекрасных
ошибок».

Анатолий
ИВАНОВ

